

Иванов Валентин Дмитриевич

Желтый металл

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Д53

Д53 **Дмитриевич И.В.**
Желтый металл / Иванов Валентин Дмитриевич – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 406 с.

ISBN 978-5-521-98244-8

Иванов, Валентин Дмитриевич. Желтый металл : Роман. — [Москва] : Мол. гвардия, 1956. — 406 с.; 21 см.

ISBN 978-5-521-98244-8

© Lennex Corp, 2026
© И.В. Дмитриевич, 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Стенная газета:

«СДЕЛАЕМ НАШ СЕНДУНСКИЙ ПРИИСК
ПЕРЕДОВЫМ!

БОЛЬШЕ ЗОЛОТА НАШЕЙ РОДИНЕ!
ЗОЛОТО ДЛЯ НАС...»

Ну кто же не знает, что *для нас* золото — это совсем не то, что в других странах, или у нас же, но до революции? Наше золото теперь *наше*, собственное, сами хозяева!

Добыча золота из золотоносного пласта геологических отложений завершается «доводкой» концентрата — последней во всем процессе промывкой золотоносного песка.

В глубокой древности — не в человеческой, а в геологической — в горах тянулись пласты твердешего кварца с жилами металлического золота. Время размыло, перемолотило горы. В песках залегли чешуйки превращенного в песок золота. Они в семь раз тяжелее зерен простого кварцевого песка. Поэтому, унося размельченное золото, вода роняла его по дороге. В бурных потоках золото выпадало на дно первым и располагалось по-своему. Рассыпалось. Отсюда и выражение — золотые россыпи. На большей по сравнению с обыкновенными песками тяжести золота и основана его добыча — промывка.

Из шлюза-головки промывочного устройства извлекают килограмм-два песка, в котором золота чуть ли не больше, чем кварцевых зерен. Это и есть концентрат. Его последняя промывка называется доводкой. Маленьев работает съемщиком-доводчиком.

Попадется в концентрате самородочек, Маленьев на глаз определит, сколько граммов потянет бурый увесистый камешек. Ошибется против точных весов не намного, как слесарь в диаметре гайки, токарь — в толщине цилиндра, повар, бросающий соль в котел супа.

Приисковые рабочие привыкают смотреть на золото профессиональным взглядом. Так конфетчик глядит на шоколад, хлебопек — на булки, кассир — на пачки

денег. Совершенно нет ничего особенного, тем более соблазнительного. Работа как работа. Продукт. Выполнение нормы. Маленьев не пришлый, родился и жил в Восточной Сибири, о золоте слышал и золото видел с детства.

После демобилизации, в сорок пятом, в середине лета, Григорий Маленьев отдохнул-погулял месячишко, другой, третий... Кое-что было, на что погулять. Потом — работать-то надо — пошел, как до войны, копать золото в старательской артели. На языке его мест это звалось «вольным старанием». Название образное, правильное. Работай сколько хочешь, со своим инвентарем; заработок зависит не столько от умения или от рабочего времени, как от удачи.

Сибирское золото тяжелое, рассыпное, в одиночку его не взять, как, слышно было, берут или брали в иных местах Калифорнии, в Мексике. Копают артелями, выручку делят поровну. Коль и прильнет будто бы сам собой к руке самородочек иль откроется «гнездо» — бери меня, кто первый увидал! — она лучше будет с ними не баловать. Артель тверда товариществом и сама в сто глаз смотрит, чтобы дела вершились без изъяна. Теперь что-то не слышать таких дел, а вот в старое время бывало, что блудливого артельщика товарищи своим таежным судом и «пришлют», то-есть зарежут, попросту говоря.

Против артели и родной отец не заступа. Вернувшись домой из тайги, артель сообщит по начальству: помер от горячки Петр Иванов или Иван Петров — и концы в воду.

До конца 1947 года, то-есть до отмены карточной системы и до денежной реформы, старательское золото «отоваривалось». Сдав добычу, старатели на полученные боны брали в магазинах золотоскупки что хотели, по своему выбору и без нормы: пшеничную муку, сахар, масло, ткани и прочее.

Что было сверх собственных надобностей, то пускалось на рынок по вольной цене. И один золотоскупочный рубль обрастал «базарными», как баран шерстью, как птенец пухом.

С конца сорок седьмого года нечистые базарные

прибыли отвалились. Государство же попрежнему оплачивало сдаваемое золото по ценам, для старательского труда подходящим.

По условиям труд «вольного старателя» был так тягостен, что с давнейших времен, задолго до революции, сами старатели прицепили ему звучное название: вольная каторга. Подстегивал азарт, затягивала «золотая лихорадка»...

Короткое лето. С осени, для многих на всю долгую зиму, начинался тягучий вынужденный простой. Показали бы таежным «вольным» приискателям правду об их будущем, и вряд ли хоть один, поглядев в магическое зеркало, потянулся бы на это окаянное дело.

Как ручное ткачество и многие, многие другие ремесла, старательство могло существовать до времени — пережиток кустарной промышленности. С улучшением машинной техники добычи, с появлением крупной, недостижимой для старателя механизации сделалась совсем архаичной человеческая фигура, согбенная над примитивным промысловым лотком. При всех старательских ухищрениях в переработанных песках все же оставалось много золота. И с конца прошлого столетия оказалась выгодной индустриальная переработка старых, уже промытых отвалов по второму и третьему разу.

У нас в СССР старательство изжило само себя, устарело со всеми своими формами к 1950 году. В результате экономического развития появился закон об отмене старательства.

Старатель Григорий Маленьев принял новый закон без всякого протеста. Он считал его справедливым, а свое личное положение — улучшенным. Он был теперь обеспечен постоянным, круглогодичным трудом и постоянным же заработком. Запрет старания освобождал от соблазна легкой наживы, снимал бремя азартной погони за «фартом», сгубившей столько людей...

До подобных обобщений Маленьев, конечно, не доходил. Ему просто показалось естественным, что отныне не стало разницы в добыче свинца, меди, железа и золота. Ставки сдельные, сколько заработал, столько и получишь. Правильно!

Все работают на государство, а государство — мы сами. Спорить нечего. Будем же и мы, приискатели, строить социализм.

2

А что же, «вольные старатели» разве не были такими людьми, разве намытое ими золотишко принимало не Советское государство? Так-то оно так, да не совсем так. Артель была не прочь иной раз обмануть государственного контролера. Такие «штучки» вроде и не считались дурными. Часть добычи утаивалась потому, что порой где-то поблизости осторожно вертелись любители золотого песочка. Тайные скупщики платили за грамм подороже, чем государственные золотоскупки. Кто хотел сбыть поскорее, обращался, когда не было под рукой скупщика, в швейное ателье. Там закройщик Бородский брал у «своих» металл, но платил хуже всех, хоть и больше, чем государственные золотоскупки.

Маленьев и некоторые его артельные товарищи смотрели на дело просто, памятуя одиннадцатую заповедь: не зевай. Григорий Иванович, вернувшийся с войны сержантом артиллерии с наградами, человек грамотный, знал, что золото, как уголь, нефть, любая руда и каждое дерево в лесу, принадлежит рабоче-крестьянскому государству, или народу, что одно и то же. На войне Маленьев честно защищал общенародное дело. Но тут у него руки сами тянулись. Подумаешь, великое дело из килограмма золота утаить сто или двести граммов! Для государства — ничто. Копал золото Маленьев своими руками, работал своим инвентарем, ну и золото его. А о том, что он подрывает государство, Маленьев не хотел думать и действительно не думал.

Григорий Иванович считал себя таким же, как все, честным человеком. Замков не ломал, по чужим карманам не лазил, найденную вещь вернул бы, — ведь чужим не разживешься. А золото, намытое им же, его артелью, считал, во-первых, своим, во-вторых, государственным. Не будь бы скупщиков-спекулянтов...

А скупщики были. Григорий любил минуту, когда, вернувшись домой пьяным «в дым», но твердым в памяти и на ногах, он швырял жене мятый ком несчитанных денег. На кутеже, по-сибирски, спирта ушло больше, чем закуски, и Григорий кричал (ему казалось, говорил):

— Клавушка, женушка дорогая, тебе! Держи!

Наутро у Клавдии всегда находилась для «поправки» четвертинка с острой закуской и особо кислейший квас, от которого у трезвого глаза полезут на лоб и сам собой дико перекосятся рот. А с похмелья — лучше не надо!

Крепкая хозяйка, из молодых да ранняя, из этих бешеных денег скопила на покупку дома, оформив владение на свое имя. У Маленьевых двое детишек. Матери надобно думать. Семейная жизнь — не гулянье девушек с парнями.

3

На Сендунских приисках Маленьев прошел все работы: бывал забойщиком, крепильщиком, драгером-машинистом, мотористом, отбойщиком, горнокомбайнером, съемщиком-доводчиком. Для Григория недоступной работы не было, силы и умения — не отбавлять.

Здесьних мест рождения, как он про себя говорил, Маленьев повидал иные места, в том числе и заграницу, лишь на военной службе. С ранних лет он слышал разговоры о старательском «фарте», с юности начал работать на золоте и отлично на глаз, на ощупь мог отличать турфы, или торфы, как здесь зовутся пустые породы, от содержащих золото песков и галечных осыпей. Маленьев имел «нюх» на металл. Имел и удачу. Вчера в забое ему под ногу сам собой попался невинного вида, но для своей величины тяжеленный камешек и хотя без речи, а заставил себя взять...

На прииске работал и Василий Луганов, с которым Маленьев учился в школе до пятого класса. Григорий в шестой класс не пошел, Василий же дотянул до аттестата зрелости. Васька Луг, как по старой памяти

могли назвать его приятелю, работал на прииске государственным контролером. Контролеров на приисках много. Для непривычного к приисковым терминам должность называется пышно, а на самом деле она довольно скромна по окладу и по знаниям, хотя и велика по значению: здесь требуется и строгость, и безупречная честность, и чувство ответственности перед законом.

Завершение цикла промывки золотоносной породы на каждом агрегате происходит в дутаре, или в колоде, или в шлюзе, как называют эти приборы на языке приисковой техники. По положению съемщик-доводчик — отнюдь не один, а в присутствии государственного контролера, горного мастера и представителя администрации вскрывает прибор, вручную домывает, доводит концентрат. О количестве золота оформляется присутствующими типовый акт, добыча сыпается в так называемую кружку, и контролер в сопровождении одного из рабочих относит запечатанную посудину в кассу прииска.

Иной раз добычу не взвешивают на месте, а просто сыпают в кружку. Сохранность госимущества обеспечивают печать и двое провожающих.

Таков писанный порядок. Но он не всегда соблюдается. Дело не ждет, у мастера много точек, представитель администрации тоже человек занятый. И порядок нарушается, а документы оформляются позднее, так что ревизии ничего неправильного не находят. В общем же без взаимного доверия действительно трудно жить; не веря товарищам, тяжело работать. И зачастую прибор вскрывается и все операции производятся рабочим лишь в присутствии государственного контролера.

К концу цикла у дутары, кроме Маленьева, были еще двое: горный мастер Александр Иванович Окунев и контролер Василий Луганов.

— Грамм шестьсот будет, — прикинул на глаз мастер. — Ладно, ребята, вы доверяйте, а я побегу.

Эти слова означали, что Окунев потом подпишет акт. Домывая и просушивая песок, Маленьев думал об ошибке мастера. Не шестьсот, а верных восемьсот

граммов намылось, и с походом. Сразу видно тому, кто понимает. А Окунев и на Сендунских приисках человек отнюдь не новый, да и на других приисках работал еще до войны.

Луганов все время молчал. Перед взвешиванием он молча же достал из кармана конвертик плотной бумаги и ссыпал туда часть песка.

— Ты это, Василий, что? — негромко спросил Маленьев, хотя вблизи никого не было.

Не отвечая, Луганов взвесил остаток. Потянуло шестьсот тридцать граммов. Луганов тихонько спросил товарища:

— Слышал, что Окунев-то сказал? Боишься, дурной, что он акта не подпишет?

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Через несколько дней Маленьев и Луганов встретились у ларька — выпить по сто граммов. Вскоре к ним причалил Окунев. Горный мастер был, казалось, чуть навеселе.

— Угощайте, что ли, ребята, хорошего начальника!

— Денег маловато, — полушутливо-полусерьезно возразил Маленьев, но продавец уже наливал стакан для Окунева.

Тот выпил, сплюнул:

— Пошла, поехала!.. — И, горячо дыша Маленьеву в лицо, сказал-прошептал: — Деньги, они, брат Григорий, на приисках всегда для умных людей имеются. Так-то, солдат, не зевай!..

Взявшись под руки, они пошли по мягкой немощеной улице поселка, от души выводя любимую песню Маленьева:

Где же ты теперь, моя девчонка,
Что за песнь пурга поет тебе?
Износилась ветхая шубенка,
Перестала думать обо мне.
Не забыть таежное зимовье,
Не забыть калитку у крыльца,
Не забыть тропинки той знакомой,
Не забыть мне милого лица.

Простые, доходчивые слова умиляли гуляк. У них самих в жизни, вероятно, не случалось никогда таких романтических эпизодов, но разве дело в фактах? Им казалось, что были, или могли быть, или будут. Почему им знать и к чему думать? В русской песне все очарование кроется не в музыке, а в смысле слов. В первом размягчении чувств, вызванном водкой, приятелям все казалось проще, легче, красивее, чем было в действительности. Кончив знакомые куплеты, они начинали их вновь. Песни хватило до первой опушки тайги, до первой могучей даурской лиственницы.

И там Окунев сказал совершенно трезвым голосом:

— Деньги будут. По пятерке за грамм. Несите, сколько хотите.

— Ишь, язви тебя, нашелся знахарь, — не без злости возразил Василий Луганов. — Потихе шагай, Александр Иванович, не то штаны разорвешь. По пятерке?.. Это, брат ты мой, лучше к Бородскому сходить. А по восьми не дашь?

Сговорились на шести с полтиной. Вечером Маленьев хорошо провел время в приисковом ресторане. Не с Лугановым. На друге свет не клином сошелся. Друзья сочли, что теперь им, пожалуй, лучше вместе не слишком-то «шиты».

К Окуневу ушел и найденный Маленьевым самородок. Так образовалась будто бы сама собой компания: Маленьев и Луганов крали, Александр Окунев пособничал и скупал краденое. Маленьев и сюда вносил свойственную ему деловитость. Для него кража золота была чем-то вроде спорта. Половчее сделать, и все тут. Впрочем, воров он себя не чувствовал.

Не всегда получалось так легко и просто, как достались первые двести с лишком граммов песка. Зачастую во время съема добычи присутствовали, по выражению похитителей, «посторонние».

Григорий Маленьев сумел сделать поддельный оттиск приисковой печати для кружек. Он напаял олова на обычные плоскогубцы, зачистил поверхности, отполировал их, вырезал и выдавил знаки печати. Вскоре это приспособление пошло в ход.

Контролер Луганов понес в кассу опечатанную кружку с невзвешенным песком. Присутствовавший при съеме мастер Окунев оглянулся, будто соображая, кого назначить в провожатые, и сказал:

— Маленьев, ты, что ли, сходи.

Окунев знал о существовании фальшивого пломбира. В кустах Луганов и Маленьев сняли печать и отсыпали часть содержимого кружки. Маленьевское приспособление сработало отлично, в кассе не заметили поддельного оттиска на мастике.

Легкая нажива увлекала. За первые месяц-полтора доля Маленьева составила, не считая «собственного» самородка, шесть тысяч пятисот с чем-то рублей. На пару они с Лугановым похитили больше двух тысяч граммов золотого песка.

2

Дни шли, как солдат в походе, — пять километров в час. А Василий Луганов размышлял об одном: куда Окунев деваает золото? В кубышку копит? Нет, врешь... Где-то сидит этакий человечек, берет сибирский песочек и денежку гонит. Надо думать, дает не плохо. Проползали по приискам слушки о ценах на металл в дальних от Сибири местах, в России, как говорили здесь. Дают там будто бы и по двадцать, по тридцать даже рублей за грамм шлиха. А Санька Окунев швыряет им, как собакам, по шесть с полтинником!

Что там!.. Связь надобна, связи!.. А где ее взять? Ни у Луганова, ни у Маленьева этих самых «верных» друзей нигде не было. Распаяя себя жадностью, с нарастающим раздражением сбывал Василий Луганов последние граммы сделавшемуся ненавистным горному мастеру. Как-то Луганов сказал Маленьеву:

— Однако он, гад, на нас, наверное, здорово наживает!

— У него и риска побольше, — возразил тот.

— Не болтай, друг Гриша, зря. Сообрази-ка: мы с тобой, язви его, в пекло лезем, а он с нашего молочка сливки слизывает, как кот. А-а?

— Это ты в яблочко, — догадался Маленьев. — Самим надо сбывать.

Да... А кому? Кроме Окунева, как будто бы никто на прииске такими делами больше не занимался. А если и занимался, то никаких признаков, конечно, не подавал. Скупщики, которые вертёлись до закрытия вольного старания около копачей-старателей, все куда-то позадевались, а расспрашивать и разыскивать в таких делах разве можно! Того и гляди налетишь.

Маленьев новыми глазами приглядывался к жизни Окунева. Горный мастер проживал в семье своего тестя Филата Захаровича Густинова.

Густинов, старик необычайно крепкий, несмотря на почтенные, лет под семьдесят, годы, малограмотный, но тертый калач, владел собственным домом. Густинов появился на приисках около 1930 года и двадцать лет работал старателем, немало исходив тайгу. С пятидесятого года Филат бросил работать, но через какое-то время поступил конюхом на одну из приисковых конюшен. Работенка не пыльная, стариковская. Дом у Густинова был поставлен на городскую ногу: пять комнат с хорошей обстановкой. Жил Густинов по-приисковому богато, держал породистую корову. Хозяйничали у него смиренная, доведенная чуть ли не до немоты, но еще работница жена-старуха и вдовая дочь.

Когда-то жил на приисках младший брат Окунева, Гавриил. Где он теперь, неизвестно. Сам же Александр Окунев проживал у тестя почти на холостяцком положении. Его жена Антонина появлялась на приисках наездами, постоянно же пребывала на Кавказе, в С-и, где у нее, как говорили, имелся собственный домик.

Почему так сложилась семейная жизнь горного мастера Окунева, никому не было дела. Клавдия Маленьева говорила, что у Антонины Окуневой такое здоровье, что ей надо жить на курортах. Или у ее дочери плохо со здоровьем...

Целились, целились Луганов с Маленьевым, но сами не могли ничего нащупать. И вольно-невольнo,